

фото I. Sidarevičiaus

Раса Чепайтене

доктор гуманитарных наук, историк культуры, старший научный сотрудник Института Истории Литвы, профессор ЕГУ. Автор или соавтор 8 научных трудов, опубликовала более 100 статей в литовской и заграничной академической прессе. Специализируется в исследованиях теоретических положений heritage studies и memory studies.

Genius loci Vilnensis

Раса Чепайтене

Vilnius' Spirit of a Place

The article of EHU Professor Dr. Rasa Čepaitene debates historical evolution of the *genius loci*'s semantic concept and examines the history of actualization of Vilnius historical center as cultural heritage, consisting of several dimensions: outstanding architectural monuments, natural surroundings and the culture of local community. Part of the article is devoted to criticism of modern trends in the development of the old city, while the international theory of cultural heritage puts on the first place the use of heritage potential for sustainable development, and not just economic growth or implementation of nationalistic projects.

Предложение описать вильнюсский гений места кажется интеллектуальным вызовом и эмоциональным приключением необъятного масштаба. Каким образом поймать и препарировать живое, не уничтожив его? Другой вызов – вместить рассуждения о *genius loci Vilnensis* в рамки академической статьи. Принимая эти вызовы, приходится сделать несколько оговорок: в тексте будет проанализирована лишь та часть проблематики восприятия духа Вильнюса, которая была и остается свойственной профессиональной среде охраны его урбанистических ценностей и напрямую касается практик его сохранения. Другие аспекты – формы и типы мифологизации города [1] или основные тенденции проводимой в нем политики памяти [2] – автору уже приходилось анализировать раньше.

С древних времен Вильнюс славится особым отношением к природе. Удивительно, но символический и духовный центр города до сих пор окружен почти нетронутыми лесами и холмами. В развитии Вильнюса явно прослеживается политическая воля великого князя, приглашавшего сюда ремесленников и купцов Западной Европы. В городе поселились купцы Ганзы, занявшие территорию вдоль Немецкой улицы. Параллельно, с левой стороны по пути от замкового комплекса к

ратуше, создавался квартал православных русинов – *civitas Rutenica*, о чем свидетельствует несколько сохранившихся церквей; евреи тоже имели свой квартал. Эта открытость другому, отнюдь не свойственная тогдашним западноевропейским городам, олицетворила себя в особом символическом ландшафте, наполненном храмами, монастырями и молебными домами самых разных конфессий. Недаром почти любая перспектива старого города закрывается католическим, православным или протестантским крестом. Но особенно Вильнюс славится как «город барокко». Этот стиль прочно укоренился в большинстве его архитектурных памятников, особенно в костелах, которых здесь десятки. Некоторые из них, как, например, церковь св. Петра и Павла, являются шедеврами мирового значения.

Вышеупомянутые аспекты городского духа – природно-культурный ландшафт, многокультурность (как и попытки нивелировать ее со стороны разных национализмов) и символизм – станут основными категориями «охоты» за неуловимым духом литовской столицы. Но, прежде чем начать, стоит попытаться раскрыть эволюцию понятия *genius loci* и общие тенденции в его понимании.

Развитие понятия «гений места» в западной культуре и дисциплине наследия

«Дух места» – понятие неосязаемое, метафорическое, почти метафизическое. Возможно ли коснуться этого столь эфемерного явления, не скатываясь в романтизацию или даже мистификацию? Формирование местного духа занимает столетия. Впоследствии он приобретает некоторую устойчивость, но все-таки любые существенные трансформации социальной жизни и физической оболочки города могут на него повлиять.

Распространены две основные трактовки понятия *genius loci*: священное и светское. Гений – посланник богов, он является посредником в диалоге между людьми и высшими

духовными силами, обитает в конкретной местности и охраняет город и жителей от напастей. Также дух места можно воспринять как особую атмосферу и ауру. Первый, антропоморфизированный, образ неизбежно возвращает нас в архаические времена культа и ритуала. Места, где проявляют себя божества или духи, так же как гробницы или мощи духовных покровителей, были и остаются предметом особого уважения в древних культурах [3]. Любой старый город имеет собственные легенды и мифы, символы и святых покровителей. В античной иконографии *genius loci* часто изображался в виде молодого человека, держащего рог изобилия, чашу для питья или змею. В Римской империи существовало множество алтарей, посвященных духу того или иного места. Интересно, что сама римская идея «духа места» могла родиться лишь в культуре, считавшей самое себя рожденной из заботы и опекунства. Именно такого рода концепция «заботы» могла соединить индивидуальность природы, уникальные геоморфологические особенности и деятельность человека. Ведь для римлян возделывание природы – *cultura* – было высшей самоцелью. Неудивительно, что они были склонны наделять тщательно «окультуриваемые» места привилегией метафизического опекунства.

С приходом христианства *genius loci* перешел в латентное состояние. Возрождение понятия произошло лишь на стыке XVIII–XIX веков, когда доминирующей формой культурного выражения стал романтизм. *Genius loci* был вновь востребован, однако утратил прежнюю конкретность, что обрекло его на низведение до категории живописности.

В XIX веке нации, ставшие политическим субъектом, активно занимались поиском своего духа, находя его в незапамятном прошлом или в народном творчестве. Визуальные образы этого духа основывались на фольклоре и достижениях аграрной культуры, на изобретении поэтического, литературного и художественного ландшафта Родины. Эти, чаще всего вновь созданные, образы активно использовались в государственной пропаган-

де, что укрепляло коллективную идентичность [4].

Возможно, самый сильный удар по ощущению особой атмосферы мест нанес утилитарный процесс их переработки и унификации, вдохновленный модернизацией и техническим прогрессом XX века, который в социальных странах был еще более жестким.

Первопроходцами реактуализации *genius loci* можно считать географов И-Фу Туана [5], Энн Баттимер [6], Эдварда Рельфа [7] и других. Эти исследователи были убеждены в фундаментальной и неотъемлемой роли мест в человеческом опыте и задались целью найти критерии определения их феноменальности. Возрожденное ими понятие топофилии или любви к месту, стало реакцией на радикально меняющееся отношение обществ к своей среде.

С ростом социальной мобильности люди все меньше идентифицируют себя с конкретным местом, порождая феномен детерриториализации, впервые рассмотренный Рельфом. Его анализ места открывает три взаимосвязанные перспективы: во-первых, физическая среда или ландшафт, наполненный зданиями, улицами, деревьями, холмами, реками и т. п.; во-вторых, хозяйственная, социальная и культурная деятельность; в-третьих, пространство символов, смыслов и ассоциаций [8]. Вместе эти элементы создают личное переживание привязанности к месту и сообществу (*place attachment*), а также и определенную идентичность (*place identity*).

В свою очередь теоретик архитектуры Норберг-Шульц выявил двойную связь человека с жизненной средой, проявляющуюся как в ориентации в пространстве, так и в пси-

хологической идентификации с ним [9]. Он различал две плоскости архитектурной феноменологии – поэтическую и аналитическую. Первая больше связана с опытом контакта с окружающей средой. Вторая характеризуется стремлением обнаружить фиксированные пространственные формы и глубинные структуры, априорные схемы и типы, способные во имя вечных истин преодолеть порог опыта мирского и временного.

Современное общество фокусируется в основном на практических функциях города. Однако, наряду с радикальными изменениями, вызванными модернизацией и индустриализацией, получила внимание и тема сохранения локальных культурных особенностей. В 2008 году ИКОМОС Канады принял Квебекскую декларацию о сохранении духа места, в которой попытался сформулировать практические предложения по его сохранению.

Вплоть до второй половины XX века классическая концепция охраны исключительных зданий или произведений искусства не оставляла места для более широкого понимания окружения и контекста культурных ценностей. Венецианская хартия 1964 года является ее квинтэссенцией. В 1992 году ЮНЕСКО решила наконец признать термин «культурные ландшафты», известный еще с XIX века, как отдельную и особую категорию наследия. В 2000 году Совет Европы принял Европейскую ландшафтную конвенцию. Из трех групп культурных ландшафтов наиболее близким к категории «духа места» является тип ассоциативных ландшафтов. Постепенное международное признание категории «культурного ландшафта» позволило выйти за рамки распространенного на Западе дуализма «природа versus культура».

Сегодня большинство сторонников новых подходов к управлению наследием согласны с тем, что их целью больше не является простое сохранение ткани прошлого, но управление текущими изменениями. Концепция устойчивого развития все больше внедряется в управление наследием, объединяя наследие

различной природы и формы, что в свою очередь уже не исключает нового переосмысления «духа места».

Специфика Вильнюсского духа и формы его сохранения

Говорить о развернутой рефлексии понятия «гений места» в описаниях Вильнюса XVIII – первой половины XX века не приходится. Начиная с царской эпохи, завоеватели игнорировали самобытный характер и историю литовских городов. Знаки былой государственности, такие как руины Дворца Государей, снесенного в 1801 году, тщательно стирались, а их место занимали имперские символы – памятник императрице Екатерине II, появившийся на Кафедральной площади, памятник генерал-губернатору Вильнюса Михаилу Муравьеву и пр. Интенсивная русификация привела к сознательному изменению сакрального ландшафта – строились православные церкви, ставшие новыми визуальными доминантами, а католические костелы и монастыри закрывались. Начавшись на рубеже XIX–XX веков индустриализация и интенсификация развития города также способствовали перестройке Вильнюса – появляются новые районы, разрастается предместье Новая Вильня. Возникает новая урбанистическая ось – проспект св. Георгия (ныне Гедиминаса) с преобладанием архитектурных форм историзма и эклектики, застройка становится более плотной, в результате чего меняется силуэт и линия горизонта города.

Параллельно разворачивается систематическая борьба местной интеллигенции за сохранение наиболее значимых объектов истории ВКЛ. Литовское научное общество, основанное в 1907 году по инициативе доктора Йонаса Басанавичюса, взялось за сохранение памятников старины, и первой его публичной акцией следует считать успешное противостояние городскому магистрату по поводу спасения западной башни Верхнего замка в 1911–1912 годах [10; 11].

В годы польской аннексии (1920–1939) Вильнюс относительно хорошо управлялся с точки зрения охраны наследия [12]. Видимо не без интеллектуального влияния многоэтнической интеллигенции Вильнюса в межвоенной Польше, опережая время, стали уделять внимание сохранению историчности и красоты городского культурного ландшафта. Уже в первой половине XX века наследие Вильнюса стало восприниматься как сложная и многогранная урбанистическая ценность, которую можно разделить на несколько частей: 1) пространственная структура; 2) выдающиеся памятники; 3) этнографический слой, формирующий город (местная культура); 4) природа как фундаментальная основа структуры города [13]. Межвоенный период стал довольно благоприятным для формирования комплексной концепции сохранения старого города. После возвращения столицы Литовской Республике, литовцы продолжили работу, начатую польскими специалистами. В 1939 году Вильнюское городское самоуправление разработало план развития старого центра. Однако эти замыслы не были реализованы из-за первой советской оккупации и войны.

Во время Второй мировой войны центр Вильнюса пострадал несущественно, и при желании частично разрушенные здания и кварталы могли быть воссозданы. Но времена были уже другие. Сталинский период стал самым разрушительным для вильнюсской культуры и архитектурного наследия: было закрыто и переделано в склады множество храмов, вследствие чего существенно пострадали их интерьеры. Часть ценностей сакрального искусства была вандализирована. Восстановление Вильнюса основывалось на решениях приезжавших в город советских градостроителей и архитекторов (доминировала т. н. ленинградская группа), не знакомых с местными особенностями и историей города и не склонных их учитывать [14]. Основанные на этих предложениях схемы генерального плана базировались на принципах и нормах соцреалистического планирования городов СССР. В результате не были учтены многие

особенности города и его природные условия, а строительство новых зданий велось в основном по типовым проектам. Это фактически положило конец естественному развитию местной архитектуры и градостроительства, соответствовавшему принципам Западной и Центральной Европы [15].

При реконструкции города советские идеологи настаивали на концентрации всего внимания на центре, который обязательно должен был иметь главную площадь с ведущими к ней широкими магистралями [16]. Городское пространство должно было воплощать идеологическую цель – индоктринацию и контроль над массами. Этому посвящалась площадь Ленина на проспекте Гедимина (в то время Ленина), на которую переносился семантический акцент со старого города. Социалистический реализм и помпезность отразились не только в фасадах новых общественных зданий (здание Совета Министров ЛитССР, другие министерства, открытые в основном на проспекте Гедимина), но и в жилых домах советской элиты (в Вильнюсе эта тенденция ярко выражена в застройке набережной Гоштауту, особенно стоит выделить Дом Ученых с характерным шпилем на башне).

Однако урбанизм сталинского периода так и не привел к разработке целостной концепции исторических городских ядер. С точки зрения советских градостроителей старый город Вильнюса рассматривался как построенный незапланированно, хаотично, у него «нет ни главного центра, ни главного района, ни главной магистрали» [17]. Все эти «недостатки» считалось нужным устранить. Ярким примером «исправления ошибок» древних мастеров стала очистка западной стороны улицы Рудининку и комплексная реконструкция северной стороны Немецкой улицы, здания которой были снесены, а линия улицы резко отодвинута назад, что открыло пространство для совсем не свойственного вильнюсскому ландшафту широкого бульвара [18].

Впоследствии большинство архитекторов подчеркивали необходимость гармонично вписать новые здания в существующую среду

и особо отмечали высокую градостроительную ценность старого Вильнюса, но эти идеи часто встречали открытое сопротивление со стороны «модернизаторов» и поклонников «принципа контраста». В результате сносились как нуждающиеся в ремонте, так и целые дома, открывались широкие пространства. Безальтернативное продвижение эстетики того времени привело к подчеркнуто брутальному и агрессивному характеру некоторых новых зданий и комплексов. Хотя со временем советские архитекторы научились выстраивать диалог с окружающей природной и культурной средой [19], характер места Вильнюса уже подвергся существенным изменениям. Несмотря на то, что охранная зона исторического центра была утверждена еще в 1969 году, некоторые из новых зданий значительно повредили вертикальным компонентам горизонта старого города.

Фото Валентина
Одновьюна

В то же время, проект планирования и развития Вильнюса, утвержденный Советом ЛССР в 1953 году, предусматривал сохранение исторической сетки улиц и обход старого города транспортными артериями. В 1956–1958 годах был подготовлен первый в Литве (а также в СССР!) проект реконструкции старого города (авторы К. Шешельгис, С. Ласавицкас, Ю. Шейбокас). Этот проект довольно осторожно оценивал возможности нового строительства, рекомендуя сохранить объем исторических зданий и исторические красные линии, а также гармонично интегрировать новые здания в историческую среду. Однако, ввиду слишком плотной застройки и плохих санитарно-гигиенических условий, было решено уменьшить внутреннюю застройку кварталов и озеленить открытые участки. По словам высокопоставленного чиновника по охране культурного наследия советского периода

Йонаса Глемжи, на выбор метода регенерации особое влияние оказал тогдашний опыт чехословацких реставраторов [20].

В годы «оттепели» Вильнюс, как и другие старые города, уже начал восприниматься в качестве противовеса схематизму и единообразию промышленной архитектуры. Наконец было оценено его значение для истории европейского урбанизма. Также разрабатывалась идея превращения старого города в заповедник и поощрения развития традиционных ремесел и торговли [21; 22]. После изучения и отбора наиболее ценных городов Литвы в 1969 году был утвержден список из 62-х памятников градостроения (авторы А. Мишкинис, А. Пилипайтис).

В области исследования и охраны исторических городов Литва, несомненно, была одним из лидеров в СССР. Принятое в 1966 году Постановление правительства об ускорении реконструкции исторических городов узаконило комплексную реконструкцию целыми кварталами, которая считалась в Советском Союзе передовой и образцовой. В 1967 году началась так называемая комплексная реконструкция исторических кварталов центра Вильнюса. К 1974 году под руководством А. Пилипайтиса был подготовлен новый проект, который рекомендовал гораздо более комплексный и интегрированный подход к решению текущих проблем старого города с учетом социологического фактора. Но темпы реконструкции не были быстрыми. По сравнению со строительством новых спальных районов, ситуация в старых городах Вильнюса, Каунаса, Клайпеды и Кедайняй была намного хуже [23]. Возникло множество проблем, которые не удавалось решить на протяжении всего советского времени. Например, не было проведено комплексное исследование, нацеленное на структурно-процессуальное понимание развития Вильнюса. Это не позволяло городу предвидеть и стратегически планировать свое будущее. Более того, бюрократы в сфере строительства считали старый город таким же районом, как и новые, поэтому его особенности не принимались во внимание. Учитывая, что

ни реставрационные мастерские, ни тем более другие строительные организации еще не имели соответствующих навыков и опыта, безрассудная «реконструкция» привела к немалым потерям. Однако были и примеры успешной реконструкции, например ансамбль Вильнюсского университета, ул. Стиклю и Жиду (реконструкция проводилась в 1980-х годах) и еще более поздний случай ансамбля улицы Св. Иоанна, что позволило выделить уникальный силуэт старого города.

Реализацию проекта комплексного возрождения старого города, который в советское время не был завершен, сегодня следует оценивать неоднозначно. Работы такого масштаба и объема стали возможны лишь благодаря национализации недвижимости. Но финансово слабое государство не смогло последовательно реализовать этот грандиозный проект. Был выбран подход единоразовой реконструкции/регенерации вместо повторяющегося текущего ремонта, который некоторые здания не получили вообще (в то время как другие подверглись значительной перделке, что повредило их аутентичность).

После обретения Литвой независимости переход от ранее существовавшей государственной системы охраны памятников к частной инициативе был довольно болезненным. Изменение отношений собственности оказало значительное влияние на состояние старого города и привело к непредвиденным последствиям. Поспешная реституция имущества религиозных общин и повсеместная приватизация недвижимости наряду с ускорением социальной сегрегации привели к множеству потерь. Планирование застройки старого города стало еще более сложным и непредсказуемым. К сожалению, государственные органы не смогли адекватно отреагировать на эти кардинальные изменения. Новые владельцы практически не получали информации о приобретаемом объекте и не были обязаны сохранять или восстанавливать его в подлинном виде. Более того, акцент на праве собственности, как правило, подталкивает владельцев заботиться лишь о своем имуществе, не при-

нимая во внимание необходимость обслуживания всего здания и его окружения. Призывы муниципальных властей и специалистов по наследию к созданию товариществ собственников жилья для решения этих проблем не нашли большой поддержки жителей, поскольку напоминали домовые советы советских времен.

Несмотря на проблемы, в 1994 году старый город Вильнюса был включен в Список всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО. После первоначального этапа приватизации и особенно в свете стратегических амбиций Литвы по интеграции в ЕС и трансатлантическое сообщество управление культурными ресурсами постепенно улучшилось. Это также было связано с растущим вниманием руководства государства и города к модернизации столицы и созданию соответствующего имиджа. В 1992 году Институт по реставрации и проектированию памятников подготовил третий проект и концепцию регенерации старого города. В 1996 году была также завершена стратегия его возрождения, а в 1998 году создано Вильнюсское агентство по возрождению старого города (VSAA). Эта модель управления наследием была положительно воспринята ICCROMом. Исторический центр начал преодолевать негативные последствия переходного периода.

Самый важный проект постсоветского периода и вызов литовскому сообществу экспертов по наследию – «воссоздание образа» Дворца Государей Нижнего замка – был успешно завершен. Таким образом город приобрел объект, не только напоминающий о его королевском прошлом, но и ставший местом притяжения разнообразной культурной деятельности.

К сожалению, опыт показывает, что многие положения, зафиксированные в документах по охране старого города, зачастую остаются лишь на бумаге. Здания подвергаются перестройке, на них появляются надстройки или другие портящие их элементы. Проект детального планирования старого города, подготовленный в 2001–2003 годах, подчеркивал

преимущество городской архитектуры, но на деле все оказалось сложнее. По словам эксперта Денниса Родвелла, обобщившего процессы, происходящие в исторических городах Центральной и Восточной Европы, администраторы наследия в большинстве стран пытались применить западные модели и привлечь иностранных инвесторов, игнорируя специфику и настроения местных сообществ [24].

В последнее время мало слышно о проблемах сохранения урбанистических ценностей старого Вильнюса, так волновавших старшее поколение его хранителей. Возможно, это связано со все более проявляющейся тенденцией бюрократизации данной области, когда специалисты уже избегают выносить внутрицеховые проблемы на общее обсуждение. Последним было яркое выступление представителей Комиссии по охране культурного наследия Литвы в защиту построенного в стиле сталинского ампира Вильнюсского аэропорта, который по мнению ряда политиков должен быть снесен из-за несоответствия духу времени. Наоборот, проблематика сохранения гения места все больше волнует архитекторов и проектировщиков, сталкивающихся с нежеланием заказчиков учитывать локальные особенности. Старый город и его окружение все чаще подвергаются новой безликой застройке. Поэтому тема сохранения местного характера городской среды не теряет актуальности.

Выводы

Таинственный *genius loci* с древности привлекал внимание паломников и поэтов, романтиков и туристов либо как иерофаня – место, где проявляется божество или которое посещают добрые или злые духи, либо как произведение человеческого гения в архитектуре, дизайне и проектировании, неоднократно вдохновляя на попытки раскрыть его таинственную сущность. Сегодня особая атмосфера места, будь она исторически сложившаяся

или имитируемая в новых «старых» постройках, становится объектом пристального интереса со стороны представителей индустрии наследия, научившихся конвертировать ее в неиссякающий денежный поток [25].

Пример Вильнюса показывает, что изучение и охрана отдельных, даже самых выдающихся, памятников в отрыве от общего социокультурного контекста не дает тех результатов, на которые рассчитывают управленцы наследием. Такой подход на самом деле очень обедняет как сам объект, так и город, превращая его в коллекцию не связанных между собой «точечных» архитектурных шедевров. Поэтому недостаточно иметь дело лишь с артефактами, необходимо также понимать и экофакты. Про это говорят и международные документы, например, Европейская конвенция по охране археологического наследия (1969) или Европейский кодекс надлежащей практики: «Археология и городское проектирование».

На социальную ситуацию в старом городе влияет и бесконтрольное возобновление и развитие международного туризма. Джентрификация, или заселение исторических частей более состоятельными слоями общества при вытеснении и маргинализации прежних жителей, также имеет важные последствия как для идентичности местного сообщества, так и для облика города, превращающегося в закрытый элитный квартал. Начиная с 1980-х годов такой вид социальной сегрегации в европейских городах широко критиковался [26]. Предпринимались попытки ограничить ее распространение, предлагалась децентрализованная, учитывающая местные особенности модель городского управления наследием. К сожалению, старый город Вильнюса в этом плане свидетельствует об обратном процессе. Пример – распространяющаяся тенденция закрывать от посетителей внутренние дворики, славящиеся своей живописностью и романтической аурой.

Цели сохранения гения места также требуют соответствующих навыков в презентации и интерпретации объектов наследия. В то

время, как культурные и политические приоритеты развития связаны с достижением социальной гармонии, экономические больше направлены на привлечение инвестиций и развитие туризма. Интерпретация истории и наследия Вильнюса все еще остаются разделенной на отдельные, националистически обусловленные, нарративы и не ориентируются на интеграцию. Это особенно видно по рассказам гидов, представляющих картину города разноязычным аудиториям.

Учитывая эти факторы, современная охрана наследия исторических городов перестает быть самоцелью, а становится инструментом интегрального взаимодействия прошлого, настоящего и будущего. Пока же отреставрированный и благоустроенный старый город, превратившийся в игрушку для туристов, становится, по сути, музеем, «где выстроены остатки прошлых эпох, в результате сегодня образ Вильнюса как «города прошлого» становится доминирующим» [27]. А в это время на правом берегу реки Нерис формируется новый город небоскребов, строятся новые жилые кварталы, не имеющие ничего общего с местным характером. Современный Вильнюс переживает растущую пространственную и смысловую поляризацию, для развития которой, как мне кажется, современные постулаты политики наследия как компонента культурной политики не имеют большого значения. Тем не менее, вовлечение общественности в процесс изучения и охраны наследия постепенно становится осознанным. В городе довольно заметны ярмарка Казюкаса, имеющая не только долгую историю, но и собственные символы – местные рогалики и вильнюсские вербы, а также Дни города, различные летние фестивали и ярмарки, во время которых широко используются сертифицированные продукты национального наследия. В целом, исследователи считают Вильнюс довольно успешным примером постсоветской трансформации [28], и, хотя он также имеет атрибуты «глобального города», в нем, в отличие от Москвы, Баку или Нур-Султана, все еще доминирует историческое измерение.

Использованная литература

- [1] Чепайтене, Р. Город как миф: литовская столица в свете культур воспоминания // *Історія, пам'ять, політика* (упоряд. Г. Касьянов, О. Гайдай). Київ: Інститут історії України НАН, 2016. С. 243–276.
- [2] Čepaitienė, R. Kolektyvinė atmintis miestovaizdyje (Vilniaus atvejis) // *Besiformuojantis ir formuojamas kraštovaizdis*. Kaunas: KTU, 2007. P. 86–101.
- [3] Левинтов, А. Е. Гений места, совесть места, проклятые места // *Лабиринт*. 2013. №3. С. 88–96.
- [4] Wright, G. Cultural History: Europeans, Americans, and the Meanings of Space // *Journal of the Society of Architectural Historians*. 2005. Vol. 64. No. 4. P. 436–440.
- [5] Tuan, Y.-F. *Topophilia: A Study of Environmental Perceptions, Attitudes, and Values*. New Jersey: Prentice-Hall, 1974. 260 p.
- [6] Buttimer, A. *Geography and the Human Spirit*. The Johns Hopkins University Press, 1994. 304 p.
- [7] Relph, E. *Sense of Place. Ten Geographic Ideas that Changed the World* (ed. by S. Hanson). New Brunswick: Rutgers University Press, 1997. P. 205–227.
- [8] Relph, E. *Place and Placelessness*. London: Pion, 1976. 156 p.
- [9] Norberg-Schulz, Ch. *Genius loci. Towards a Phenomenology of Architecture*. New York: Rizzoli, 1980. 216 p.
- [10] Smetona, A. Senybės paminklai ir žmonės // *Viltis*. 1911. Nr. 149. P. 1.
- [11] Malinauskis, D. Vilniaus Pilies Kalnui apsaugoti // *Viltis*. 1911. Nr. 150. P. 1.
- [12] Glemža, J. Nekilnojamojo kultūros paveldo apsauga ir tvarkymas. Vilnius: Vilniaus Dailės Akademija, 2002. 252 p.
- [13] Markevičienė, J. Kultūros paveldo saugos raiška: mokslinės, emocinės ir teisinės prielaidos. // *Vilniaus kultūrinis gyvenimas 1900–1940 m.* Vilnius, Lietuvos Kultūros Tyrimų institutas, 1998. P. 271–307.
- [14] Mikučianis, V. *Norėjau dirbti Lietuvoje*. Vilnius: LDA leidykla, 2001. 256 p.
- [15] Miškinis, A. *Lietuvos urbanistika: istorija, dabartis, ateitis*. Vilnius: Mintis, 1991. 152 p.
- [16] Иванов, С. Г. *Архитектура в культуротворчестве тоталитаризма. Философско-эстетический анализ*. Киев: Стилос, 2001. 168 p.
- [17] Kumpis, J. Sostinės Vilniaus atstatymo metmenys // *Tiesa*. 1945. Nr. 81. P. 4.
- [18] Pimpytė, V. Vokiečių gatvės kaita kaip Vilniaus senamiesčio paveldosaugos ir paveldotvarkos atspindys // *Kultūros paminklai*. 2010. Nr. 15. P. 146–156.
- [19] Navickienė, E., *Nauja architektūra istorinėje aplinkoje: kūrimo patirtis*. Vilnius: Technika, 2006. 179 p.
- [20] Glemža, J. Lietuvos istoriniai miestai – „sena ir šiuolaikiška“ // *Istoriniai miestai. Sena ir šiuolaikiška*. Vilnius: Savastis, 2003. P. 143–147.
- [21] Pilypaitis, A. Lietuvos miestų ir miestelių rekonstrukcija bei apsauga // *Muziejai ir paminklai*. 1967. Lapkritis. P. 34–38.
- [22] Miškinis, A., Pilypaitis, A. Urbanistinių paminklų apsaugai // *Kultūros barai*. 1968. Nr. 2. P. 40–44.
- [23] Mačiulis, A. Senamiesčiai, jų apsauga ir rekonstrukcija // *Statyba ir architektura*. 1968. Nr. 4. P. 14–18.
- [24] Rodwell, D. Approaches to Urban Conservation in Central and Eastern Europe // *Journal of Architectural Conservation*. 2003. Vol. 9. Nr. 2. P. 22–40.
- [25] Čepaitienė, R. The Patterns of Urban Landscape Commodification. // *Architecture and Urban Planning. Scientific Journal of Riga's Technical University*, 2013, vol. 8. P. 50–59.
- [26] Smith, M. K. *Issues in Cultural Tourism Studies*. London: Routledge, 2003. 272 p.
- [27] Daugirdas, T. Naujas miestas ir kultūros dilemos // *Naujasis židinys*. 2004. Nr. 7/8. P. 315–316.
- [28] Титаренко, Л. Г. *Городское развитие на постсоветском пространстве: теоретические модели и реальность // Постсоветские столицы: Минск, Вильнюс, Баку*. Минск: Издательский центр БГУ, 2009. С. 23–40.

